

DOI: DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-165-177

УДК: 339.97.346.7(045)

JEL F42, O38

# Искусственный интеллект: современные подходы к многостороннему регулированию

Л.С. Ревенко<sup>а</sup>, Н.С. Ревенко<sup>б</sup><sup>а</sup> МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация;<sup>б</sup> Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

## АННОТАЦИЯ

**Предмет** исследования – причины, предпосылки и состояние регулирования искусственного интеллекта (ИИ) в многосторонних форматах. **Цель** работы – выявить подходы к регулированию ИИ на многостороннем уровне и проанализировать текущий статус регуляторного процесса. **Актуальность** обусловлена быстрым развитием технологий ИИ и сопровождающими этот процесс всевозможными рисками. **Методология** исследования включает использование общенаучных методов, а именно: статистических и экспертных оценок, анализ эмпирических данных, классификацию, структурирование и систематизацию объектов. В **результате** исследования определен уровень мирового рынка технологий ИИ, выявлены концептуальные подходы к многостороннему регулированию в различных структурах. Рассмотрены основные направления регулирования ИИ в рамках деятельности международных организаций (ООН, ОЭСР, Совет Европы, ВТО), ЕС и объединений неинтеграционного типа, а также неформальных дискуссионных клубов (Хиросимский процесс, Глобальное партнерство по ИИ). Сделан **вывод** о том, что, несмотря на массу решений и документов, разрабатываемых в многосторонних форматах, «правила игры» для разработчиков и распространителей ИИ отстают от развития технологий в этой сфере. Установлено, что решения, принимаемые на многостороннем уровне, не носят обязательного характера для субъектов мировой экономики за исключением нормативных актов интеграционных группировок. Отмечен рост регуляторной активности международных структур в последние годы в связи с повышением уровня коммерциализации технологий ИИ, а также инновационных товаров, произведенных с использованием ИИ или содержащих его в качестве неотъемлемой части. Обозначена роль многостороннего регулирования ИИ в формировании тенденций развития мировой экономики.

**Ключевые слова:** искусственный интеллект; цифровизация; регулирование; многосторонний формат; ООН; ОЭСР; Совет Европы; ВТО; ЕС; Хиросимский процесс; Глобальное партнерство по ИИ

**Для цитирования:** Ревенко Л.С., Ревенко Н.С. Искусственный интеллект: современные подходы к многостороннему регулированию. *Экономика. Налоги. Право.* 2025;18(5):165-177. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-165-177

## ORIGINAL PAPER

# Artificial Intelligence: Modern Approaches to Multilateral Regulation

L.S. Revenko<sup>а</sup>, N.S. Revenko<sup>б</sup><sup>а</sup> MGIMO University, Moscow, Russian Federation;<sup>б</sup> Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

## ABSTRACT

**The subject** of the research is the causes, prerequisites and the state of regulation of artificial intelligence (AI) in multilateral formats. **The aim** of the work is to identify approaches to AI regulation at the multilateral level and analyze the current status of the regulatory process. **The relevance** is due to the rapid development of AI technologies and the various risks associated with this process. The research **methodology** includes the use of general scientific methods, namely statistical and expert assessments, analysis of empirical data, classification, structuring and systematization of objects. As a **result** of the research, the level of the global AI technology market has been determined, and conceptual approaches to multilateral regulation in various structures have been identified. The main directions of AI regulation within the framework of international organizations (UN, OECD, Council of Europe, and WTO), the EU and non-integration type associations, as well as informal discussion clubs (Hiroshima Process, Global Partnership on AI) are considered. **It is concluded** that despite the mass of solutions and documents being developed in multilateral formats, the “rules of the

© Ревенко Л.С., Ревенко Н.С., 2025

game” for AI developers and distributors lag behind the development of technologies in this area. It has been established that decisions taken at the multilateral level are not binding on subjects of the global economy, with the exception of regulatory acts of integration groupings. There has been an increase in the regulatory activity of international structures in recent years due to an increase in the level of commercialization of AI technologies, as well as innovative products produced using AI or containing it as an integral part. The role of multilateral regulation of AI in shaping global economic development trends is outlined.

**Keywords:** artificial intelligence; digitalization; regulation; multilateral format; UN; OECD; Council of Europe; WTO; EU; Hiroshima Process; Global Partnership on AI

**For citation:** Revenko L.S., Revenko N.S. Artificial intelligence: Modern approaches to multilateral regulation. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(5):165-177. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-165-177

## ВВЕДЕНИЕ

Интенсивное развитие научно-технического прогресса (НТП) не только приносит в человеческое общество новые возможности, но и ставит острые проблемы использования результатов достижений высокотехнологичных отраслей. В мировом научном дискурсе тематика влияния искусственного интеллекта (ИИ) на мировую экономику в последнее десятилетие была вплетена в анализ цифровизации в целом, под которой понимается внедрение и использование информационных технологий во всех звеньях воспроизводственного процесса страны и мира. Соответственно, регулирование ИИ на многостороннем и национальном уровнях является одним из направлений регуляторной деятельности в сфере цифровизации.

Исследовательская проблема многостороннего регулирования ИИ предполагает определение основной дефиниции, поскольку в научном сообществе не существует общепринятых подходов. Важно отметить, что в различных науках и отраслях экономики складываются разные определения одних и тех же процессов и явлений. В основе этого лежит факт, что развивающиеся цифровые технологии изменяют характер промышленного и сельскохозяйственного производства, предоставления услуг и других сфер экономики. Научный аппарат в каждой из них отличается своеобразием при едином предмете изучения.

Однако, поскольку общей тенденцией современного этапа можно считать сближение и совмещение технологических решений, то есть стирание четких границ между технологиями, применяемыми в различных секторах экономики, при проведении данного исследования мы взяли за основу следующее определение ИИ, принятое в Организации экономического сотрудничества и развития: «Система ИИ — это машинная система, которая для явных или неявных целей делает выводы из получаемых ею

входных данных о том, как генерировать выходные данные, такие как прогнозы, контент, рекомендации или решения, которые могут влиять на физическую или виртуальную среду»<sup>1</sup>.

В России ИИ относится к сквозным цифровым технологиям, которые применимы в экономике в целом и в ее отдельных отраслях. В концепции, содержащей основные направления технологического развития страны до 2030 г., обозначено, что это — «перспективные технологии межотраслевого назначения, обеспечивающие создание инновационных продуктов и сервисов и оказывающие существенное влияние на развитие экономики, радикально меняя существующие рынки и (или) способствуя формированию новых рынков»<sup>2</sup>. В этой связи проблематика многостороннего регулирования ИИ имеет важное значение для России в контексте технологического суверенитета и технологического обмена.

Особый интерес к регулированию объясняется феноменальной особенностью ИИ — способностью к саморазвитию и самообучению. Как справедливо отмечается в коллективной научной работе российских и китайских авторов, «...системы, многократно превосходящие человеческий интеллект, становятся движущей силой мирового развития, способной влиять на внутрисполитический курс страны, а также корректировать контуры международного сотрудничества» [1, с. 201]. Это ставит перед обществом принципиально новые задачи не только в экономи-

1 Explanatory Memorandum on the Updated OECD Definition of an AI System. OECD Artificial Intelligence Papers. 2024, No. 8. P. 4. URL: [https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2024/03/explanatory-memorandum-on-the-updated-oecd-definition-of-an-ai-system\\_3c815e51/623da898-en.pdf](https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2024/03/explanatory-memorandum-on-the-updated-oecd-definition-of-an-ai-system_3c815e51/623da898-en.pdf).

<sup>2</sup> Концепция технологического развития на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20.05.2023 № 1315-п. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406831204/?ysclid=m8d576286q71129461>.

ческой плоскости, но и в этической, политической, стратегической.

Данные аспекты проблемы регулирования ИИ в глобально-стратегическом преломлении рассматриваются во всех структурах, в компетенцию которых входит тематика создания и использования ИИ, а также во многих научных исследованиях.

## ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ОБЪЕКТ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Развитие ИИ подразделяют на три этапа. Первый этап (1950–1980-е гг.) характеризуется использованием набора заранее определенных «правил выбора» для принятия решений. Второй этап (1990–2010-е гг.) основывается на статистическом обучении посредством анализа больших данных. При этом ИИ был в основном ограничен конкретными задачами и не был способен заменить человека.

В 2020-х гг. начался третий этап, когда появились системы, основанные не только на правилах, но и на поиске контекстной адаптации и объяснении решений. После 2010 г. получил развитие генеративный ИИ, который в отличие от предиктивного, анализирующего и классифицирующего данные для получения конкретных результатов, выявляет взаимосвязи в больших объемах данных и использует их для создания нового контента<sup>3</sup>. Причем технологии его отдельных направлений развиваются очень быстро, массово используются бизнесом и простыми людьми. Так, число пользователей *ChatGPT*, запущенного 30 ноября 2022 г., составило 100 млн в августе 2023 г., 300 млн в декабре 2024 г. и 800 млн в апреле 2025 г.<sup>4</sup>

Однако наравне с несомненными выгодами ИИ несет в себе большие риски, связанные с концентрацией власти в крупных корпорациях, где сосредоточена основная доля разработок в сфере ИИ, и отсутствием прозрачности в системах ИИ, особенно в моделях глубокого обучения. Применение ИИ усиливает неравенство между развитыми и развивающимися странами, усугубляет проблему конфиденциальности вследствие анализа больших

объемов персональных данных. Использование хакерами и злоумышленниками «искусственного ума» создает дополнительную угрозу кибербезопасности, а автоматизация на основе ИИ влечет за собой массовое сокращение рабочих мест и, соответственно, увольнение занятых на них работников, большей частью — низкоквалифицированных.

Создаваемый с помощью ИИ контент потенциально может оказывать негативное воздействие на общество, а внедрение этой технологии в системы вооружений чревато потенциально пагубными последствиями для мира. Наконец, системы ИИ из-за своей сложности при недостаточном человеческом контроле могут непредсказуемо себя повести или принять решение с непредвиденными результатами.

Так, основным риском генеративного ИИ считается его способность выдавать фальсифицированные или неверные результаты, что может создать серьезные проблемы в таких сферах, как оборона, здравоохранение и юриспруденция [2, с. 3]. Кроме того, системы генеративного ИИ собирают большой объем данных и на их основе производят свой контент более высокого качества. В этой связи возникает вопрос, относящийся к праву интеллектуальной собственности [3, с. 24]. Однако наибольшие риски несет искусственный интеллект общего назначения (GPAI)<sup>5</sup>, способный привести к непреднамеренным и потенциально катастрофическим последствиям [4].

Эти риски ставят перед правительствами и обществом задачу постановки под контроль развитие ИИ, рассматривая ее с экономической, политической и этической точек зрения.

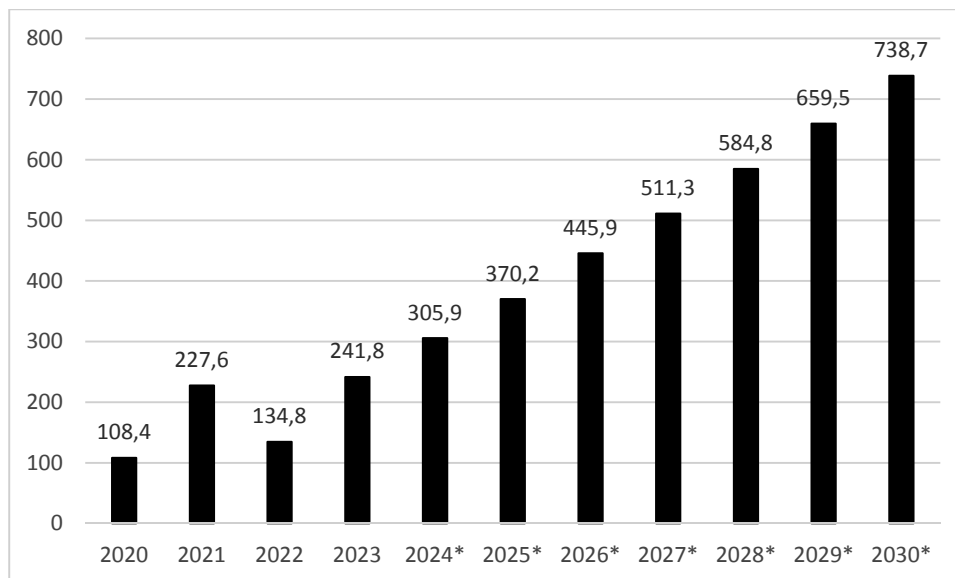
В контексте анализа регуляторных тенденций как на многостороннем, так и на национальном уровнях, исследовательский интерес не может не коснуться состояния рынка самих технологий ИИ как товара. В этой связи возникает необходимость привести некоторые показатели, на которые ссылаются международные организации и специализированные аналитические структуры. При этом ряд оценок дается для так называемого «сильного» ИИ, который комплексно имитирует интеллектуальную деятельность человека, другая их часть — для «слабого», моделирующего отдельные когнитивные функции [1, с. 199].

Следует отметить, что до настоящего времени не существует унифицированных методологических

<sup>3</sup> 2025 Technology and Innovation Report. Inclusive Artificial Intelligence for Development. Geneva: United Nations Publications; 2025. P. 13–14. URL: [https://unctad.org/system/files/official-document/tir2025\\_en.pdf](https://unctad.org/system/files/official-document/tir2025_en.pdf)

<sup>4</sup> ChatGPT Statistics (2025): DAU & MAU Data Worldwide. April 16, 2025. URL: <https://www.demandsage.com/chatgpt-statistics/>

<sup>5</sup> Система ИИ, обладающая общими интеллектуальными способностями человека или превосходящая их.



**Рис. 1 / Fig. 1. Объем рынка технологий искусственного интеллекта, млрд долл. США / Volume of AI Market, billions of US dollars**

Источник / Source: составлено авторами по: Artificial Intelligence Statistics 2025. URL: <https://aistatistics.ai/> / compiled by the authors on: Artificial Intelligence Statistics 2025. URL: <https://aistatistics.ai/>

Примечание / Note: \* Оценка и прогноз / Assesment and forecast.

подходов к оценке показателей развития ИИ ни в международных организациях, ни в аналитических агентствах. По этой причине статистические данные из разных источников могут отличаться. Как отмечается в методическом пояснении статистической службы ОЭСР, «в настоящее время предпринимаются усилия по разработке четких определений, таксономий и классификаций, а также усилия по составлению точных и сопоставимых показателей»<sup>6</sup>.

Один из индикаторов — объем рынка ИИ. По данным экспертов аналитического подразделения *Forbes*, к 2030 г. он достигнет 1339 млрд долл. США, испытывая существенный рост по сравнению с оценкой дохода в 214 млрд в 2024 г. [5]. Согласно *AI Statistics*, в 2020 г. объем мирового рынка технологий ИИ составил 108,4 млрд долл., в 2024 г. он оценивался в 305,9 млрд а в 2030 г. по прогнозам увеличится до 738,7 млрд (рис. 1).

Такая ситуация с количественными оценками показателей рынка, безусловно, создает серьезные проблемы для анализа, однако четко демонстрирует вектор развития коммерциализации технологий ИИ. При этом на исследователей накладывается

ответственность за качественную оценку компонентов, входящих в общий показатель, что при отсутствии четких научно обоснованных методик создает основу для высокой степени субъективизма.

Основными каналами проникновения ИИ в экономику, также как и трансфера технологий в целом, являются ТНК, МНК, международные институты и крупные национальные компании. Реальностью современного этапа является повышенная концентрация на рынке поставщиков услуг ИИ с потенциальным доминированием нескольких компаний в отдельных развитых странах [6, с. 42].

О высокой концентрации разработки и использования ИИ свидетельствуют оценки ЮНКТАД, согласно которым 100 компаний профинансировали 40% исследований и разработок (R&D) в 2022 г. Все они расположены в развитых странах и Китае. На США и Китай приходится примерно третья часть публикаций по тематике ИИ и 60% соответствующих патентов<sup>7</sup>.

Это повышает опасность сосредоточения основного ресурса цифровой экономики — больших данных в крупнейших корпорациях, что создаст (и уже

<sup>6</sup> Live Data. OECD.AI Policy Observatory. URL: <https://oecd.ai/en/data?selectedArea=investments-in-ai-and-data&selectedVisualization=vc-investments-in-ai-by-country>.

<sup>7</sup> 2025 Technology and Innovation Report. Inclusive Artificial Intelligence for Development. Geneva: United Nations Publications; 2025. P. 8, 23. URL: [https://unctad.org/system/files/official-document/tir2025\\_en.pdf](https://unctad.org/system/files/official-document/tir2025_en.pdf).



создает) не только угрозу появления новых форм рыночной конкуренции, но и усугубления экономической и социальной безопасности в целом.

Внедрение ИИ меняет все отрасли экономики, но динамика использования и получения ожидаемых эффектов весьма неоднородна. Прежде всего она зависит от размера и особенностей инвестирования. По оценкам консультационных агентств, в 2023 г. инвестиции в технологии, связанные с ИИ, составили во всех отраслях 154 млрд долл., причем лидировал банковский сектор — 20,6 млрд долл., далее следовала розничная торговля — 19,7 млрд долл. За десятилетие с 2013 по 2023 гг. инвестиции в ИИ выросли в 9 раз<sup>8</sup>. Считается, что в некоторых отраслях потребуются годы и десятилетия на внедрение ИИ из-за нехватки инвестиционных ресурсов.

Трансформируется также инвестиционное сотрудничество стран мира. Изменения касаются как инвестирования в сферы активного применения ИИ, так и в исследовательскую деятельность по его созданию.

В условиях быстрого развития ИИ и повышения уровня создаваемых им рисков внимание международных организаций и объединений различного типа неизбежно стало фокусироваться в регуляторной деятельности на проблематику выработки «правил игры» разработки и использования ИИ. Однако, как и в ряде других направлений цифровизации мировой экономики, в данной сфере наблюдается отставание регулирования от развития ИИ.

## КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К РЕГУЛИРОВАНИЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Вопрос о необходимости регулирования ИИ возник давно, но серьезно эту проблему стали обсуждать лишь во второй половине второго десятилетия XXI в. Одним из первых представителей бизнеса, затронувших эту тему, стал генеральный директор компании «Tesla» И. Маск, заявивший в 2017 г., что ИИ — самая страшная проблема, и если не начать работу сейчас, то в будущем это будет слишком поздно<sup>9</sup>.

К настоящему времени в государственных органах и в экспертном сообществе сформировалось

мнение о необходимости регулирования ИИ как для его развития, так и для противодействия вызываемым им рискам, поскольку сквозной характер ИИ предопределяет его широкое использование, а автономность систем ИИ позволяет им самостоятельно совершать действия и принимать юридически значимые решения [7, с. 110–111]. При этом в экспертном сообществе высказывается мысль о необходимости разработки общих норм и стандартов, внедрения передового опыта и создания механизмов для решения трансграничных проблем регулирования и избегания нормативной фрагментации. Совместные дипломатические усилия и разработка международных соглашений могли бы содействовать повышению глобальной стабильности и помочь сосредоточиться на решении проблемы дисбаланса сил в развитии ИИ [2, с. 9].

Можно выделить два подхода к регулированию ИИ: де-юре и де-факто. Первый подход предполагает применение какого-либо нормативного документа, например закона ЕС об ИИ, в качестве стандарта в других юрисдикциях, второй — применение этого документа компаниями-экспортерами по причине их заинтересованности в продвижении своей продукции на конкретный рынок [8, с. 71–72]. Эксперты высказывают и другие точки зрения относительно того, как это делать.

Так, К. Игнасио Гутierrez и Г. Марчант выделяют два подхода в виде жесткого и мягкого права. К первому они относят нормативные акты, обязывающие физических и юридических лиц исполнять их посредством угрозы наказания или штрафа. По их мнению, до момента принятия жесткого нормативного акта предпочтение должно отдаваться так называемому «мягкому праву» [9, с. 4], которое существует в виде программ, не подлежащих прямому исполнению правительствами.

М. Буитен полагает, что, поскольку для ИИ характерны автономность систем или «человекоподобные» интеллектуальные результаты, данная технология является непригодной основой для регулирования [10, с. 43]. А. Каплан и М. Хэнляйн предложили не регулировать саму технологию, а разработать общие нормы, включающие требования к тестированию и прозрачности алгоритмов [11, с. 22].

Е. Папагианнидис, П. Микалеф и К. Конбой делают акцент на ответственном управлении ИИ [12], а Х. Домин — на саморегулировании при должном организационном и техническом контроле [13].

<sup>8</sup> Статистика искусственного интеллекта. Инклиент. URL: <https://incli.ru/ai-stats/?ysclid=m8d6ayx5ra500286828>

<sup>9</sup> Elon Musk Warns Governors: Artificial Intelligence Poses 'Existential Risk'. July 17, 2017. URL: <https://www.npr.org/sections/thetwo-way/2017/07/17/537686649/elon-musk-warns-governors-artificial-intelligence-poses-existential-risk>

И. Линков, Б.Д. Трамп, К. Пойтсатте-Джонс и М.-В. Флорин продвигают идею адаптивной политики, под которой они понимают партнерство правительств с промышленностью, академическими кругами, неправительственными организациями и широкой общественностью для совершенствования политики, чтобы сбалансировать технологические достижения с потенциалом возможных нарушений и внешних факторов [14]. В свою очередь Г. Марчант полагает, что свойства ИИ выводят его из существующего регуляторного поля и по этим причинам в ближайшее время сформировать правила всеобъемлющего традиционного регулирования ИИ не получится [15, с. 3].

И. Улникане выдвинула идею перехода к полицентрической системе управления, под которой понимается наличие множественных независимых друг от друга центров принятия решений на разных уровнях, которые находятся в отношениях сотрудничества и одновременно конкуренции друг с другом [16, с. 928]. По ее мнению, это необходимо сделать для повышения инклюзивности усилий с учетом таких преимуществ полицентрических систем, как механизмы взаимного мониторинга, обучения и адаптации, повышающие надежность, уровень инноваций и сотрудничества [17, с. 74].

Работа по разработке мер регулирования ИИ ведется в международных форматах и отдельными странами на национальном уровне. О ее продвинутиости свидетельствует тот факт, что в 2023 г. ИИ упоминался в законодательных документах 49 стран мира, а количество упоминаний почти удвоилось по сравнению с 2022 г. (соответственно, 2175 и 1247)<sup>10</sup>.

Что касается глобального уровня, то отдельные аспекты регулирования ИИ становятся предметом обсуждения в рамках структур ООН, Организации экономического сотрудничества и развития, Хирсимагского процесса по ИИ, Глобального партнерства по искусственному интеллекту и Совета Европы. Кроме того, с целью обсуждения данной проблемы состоялись два саммита по ИИ — 1–2 ноября 2023 г. в Блетчли-Парке (Великобритания) и 10–11 февраля 2025 г. в Париже.

<sup>10</sup> Artificial Intelligence Index Report 2024. Stanford, CA: Stanford University Publ.; 2024. P. 24. URL: [https://hai-production.s3.amazonaws.com/files/hai\\_ai-index-report-2024-smaller2.pdf](https://hai-production.s3.amazonaws.com/files/hai_ai-index-report-2024-smaller2.pdf).

## РОЛЬ ООН В ФОРМИРОВАНИИ РЕГУЛЯТОРНОГО КЛИМАТА В СФЕРЕ РАЗРАБОТКИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

На протяжении последнего десятилетия Организация Объединенных Наций (ООН) и ее функциональные структуры вносят свой вклад в исследование вопросов регулирования ИИ и внедрения в жизнь результатов этой работы. Координационный совет руководителей системы ООН (КСР) на своей сессии в 2017 г. приступил к изучению рисков и возможностей для устойчивого развития, связанных с новыми технологиями, включая ИИ. В 2019 г. Комитет высокого уровня по программам (КВУП)<sup>11</sup> завершил работу по темам ИИ и инновационного образования, а в 2020 г. КСР одобрил Принципы этичного использования ИИ в системе ООН. В 2022 г. КСР обсудил тему управления и использования ИИ для общего блага.

Для углубления понимания этой проблемы созданной в 2020 г. межведомственной рабочей группе по ИИ КВУП (МРГ-ИИ) под председательством ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) и Международного союза электросвязи было поручено разработать аналитический документ по моделям и структурам системы ООН, связанным с управлением ИИ. В 2024 г. МРГ-ИИ подготовила Белую книгу по управлению ИИ, в которой собраны и проанализированы все имеющиеся институциональные модели и международные нормативные акты в системе ООН, которые могут быть использованы для международного управления ИИ<sup>12</sup>.

Особая роль в этой работе принадлежит ЮНЕСКО. В ходе генеральной конференции 2019 г. ей было поручено поддержать разработку носящей необязательный характер Рекомендации по этическим аспектам ИИ, которая была принята генеральной конференцией в 2021 г.<sup>13</sup> В 2022 г. она была одобрена

<sup>11</sup> КВУП несет ответственность перед КСР за содействие согласованности, сотрудничеству и координации по программным аспектам стратегических вопросов, стоящих перед системой ООН.

<sup>12</sup> United Nations System White Paper on Artificial Intelligence Governance: An Analysis of Current Institutional Models and Related Functions and Existing International Normative Frameworks Within the United Nations System That Are Applicable to Artificial Intelligence Governance. CEB/2024/1/Add.1. URL: <https://unsceb.org/sites/default/files/2024-04/United%20Nations%20System%20White%20Paper%20on%20AI%20Governance.pdf>

<sup>13</sup> Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. Paris: UNESCO, 2021. 43 p. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381133/PDF/381133eng.pdf.multi.page=3>

КВУП и КСР в виде Принципов этичного использования ИИ в системе ООН.

В этом документе отмечены преимущества, которые ИИ приносит обществу, и возникающие под его воздействием риски. В нем подчеркивается важность соблюдения принципов прозрачности, подотчетности и конфиденциальности, предлагаются действия в области управления данными в целях гарантирования того, чтобы цифровые преобразования способствовали соблюдению прав человека и достижению Целей устойчивого развития ООН [18, с. 93].

В 2024 г. ООН провела Саммит будущего, на котором были выработаны принципы по укреплению международного управления ИИ и приняты Пакт во имя будущего<sup>14</sup> и Глобальный цифровой договор<sup>15</sup>. В этих документах содержатся предложения по устранению всех цифровых разрывов и созданию для этого глобальной регуляторной структуры. К приоритетам международного сотрудничества в этом формате отнесены открытость данных и инноваций, создание системы подотчетности использующих ИИ компаний, инклюзивность управления ИИ, формирование государством и частным сектором общей цифровой инфраструктуры. Однако уровень реалистичности достижения этих декларируемых задач в ближайшие годы вызывает большое сомнение.

### **ПОДХОДЫ ДРУГИХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, СОЮЗОВ И ОБЪЕДИНЕНИЙ К РЕГУЛИРОВАНИЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА**

Регуляторная работа в Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по ИИ началась в 2016 г., когда был проведен Форум по технологическому прогнозированию в области ИИ. В 2017 г. состоялась международная конференция по ИИ, а в 2018 г. была сформирована группа экспертов по ИИ, подготовившая Рекомендацию по искусственному интеллекту<sup>16</sup>. Это документ, содержащий общие принципы ответственного

управления ИИ и рекомендации по формированию политики в этой сфере, был принят в 2019 г. (рис. 2).

С помощью данного документа предпринята попытка поставить под контроль развитие ИИ, и это, пожалуй, является его главным достоинством. Среди его слабых сторон эксперты отмечают необязательный характер и отсутствие механизма его соблюдения, и это, по их мнению, ослабляет правовую сторону Принципов, а их излишняя широта может помешать их практическому применению. Кроме того, они не затрагивают вопросы сокращения рабочих мест и проблему концентрации власти в руках нескольких компаний [18, с. 101].

После принятия Рекомендации произошло стремительное развитие ИИ: в девять раз увеличились венчурные инвестиции в стартапы генеративного ИИ и на 130% вырос спрос на специалистов в области ИИ. Также в среднем по ОЭСР почти удвоилась доля крупных фирм, использующих ИИ. Одновременно обострилась проблема обеспечения конфиденциальности и безопасности. Большой вред стали наносить создание и распространение ложной информации, а также искажение общественного мнения<sup>17</sup>.

По этим причинам в 2023 г. в документе было уточнено определение «системы ИИ» посредством разъяснения целей этих систем, подчеркивания роли входных данных, разъяснения, что Рекомендация применяется к производящим контент генеративным системам ИИ, которые могут продолжать развиваться после их проектирования и внедрения.

В 2024 г. документ был актуализирован, и одним из ключевых внесенных в него изменений было положение о создании надежных механизмов безопасного отключения или вывода из эксплуатации систем ИИ в случае возникновения риска нанесения ими неоправданного вреда или проявления нежелательного поведения. Кроме того, в контексте генеративного ИИ в Рекомендации указано на растущую важность борьбы с дезинформацией, необходимость защиты целостности информации и недопущения использования системы не по назначению или непреднамеренной неправильной ее эксплуатации, подчеркнута обя-

<sup>14</sup> Пакт во имя будущего. ООН. URL: <https://www.un.org/ru/summit-of-the-future/pact-for-the-future>

<sup>15</sup> Глобальный цифровой договор. URL: <https://www.un.org/ru/summit-of-the-future/global-digital-compact>

<sup>16</sup> Recommendation of the Council on Artificial Intelligence. OECD/LEGAL/0449. URL: <https://oecd.ai/en/assets/files/OECD-LEGAL-0449-en.pdf>

<sup>17</sup> OECD updates AI Principles to stay abreast of rapid technological developments. 2024, May 3. URL: <https://www.oecd.org/en/about/news/press-releases/2024/05/oecd-updates-ai-principles-to-stay-abreast-of-rapid-technological-developments.html>



Рис. 2 / Fig. 2. Принципы ответственного управления ИИ и рекомендации по национальной политике и международному сотрудничеству / Principles for responsible stewardship and recommendations for national policy and international co-operation

Источник / Source: Recommendation of the Council on Artificial Intelligence. OECD/LEGAL/0449. Paris: OECD; 2019. 12 p. URL: <https://oecd.ai/en/assets/files/OECD-LEGAL-0449-en.pdf>

зательность ответственного ведения бизнеса на протяжении всего жизненного цикла системы ИИ. Также дано разъяснение о системах ИИ, обеспечивающих прозрачность и ответственное раскрытие информации. В связи с ростом числа инициатив по использованию ИИ признано необходимым сделать акцент на совместную работу юрисдикций для продвижения совместимых сред управления и политики для ИИ. Сделана ссылка на экологическую устойчивость, важность которой в последнее время существенно возросла.

По состоянию на середину июня 2025 г. участниками Рекомендации были 38 членов ОЭСР и 10 стран, не входящих в эту организацию<sup>18</sup>.

По сути, Рекомендация представляет собой принятое на межправительственном уровне политическое и моральное обязательство. Ее участники признали, что кроме большой пользы, которую может принести внедрение ИИ, он создает трансграничные

риски, для противодействия которым необходимо развивать многостороннее сотрудничество. О значимости этого документа свидетельствует тот факт, что на его основе были разработаны принципы «Группы двадцати» в области развития ИИ.

Международная значимость Рекомендации определяется прежде всего геополитическим контекстом, характерной чертой которого является соревнование ведущих стран за лидерство в разработке систем ИИ, результатом которого должно стать получение победителями весьма существенных экономических выгод. Национальные подходы стран существенно отличаются, и этим прежде всего объясняются содержащиеся в документе весьма мягкие принципы и отсутствие его обязательной юридической силы [19, с. 28].

Из других многосторонних форматов для обсуждения вопроса регулирования ИИ следует отметить созданное в 2020 г. по инициативе премьер-министра Канады Дж. Трюдо и президента Франции Э. Макрона Глобальное партнерство по искусственному интеллекту (ГПИИ), которое было объявлено международной инициативой, призванной объе-

<sup>18</sup> Recommendation of the Council on Artificial Intelligence. Adherents. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449#adherents>.

динить усилия стран и экспертов для поддержки ответственного развития и использования ИИ, основанного на правах человека, инновациях, гендерном равенстве, экономическом росте, экологической и общественной выгоде в качестве вклада в Цели в области устойчивого развития ООН. В июле 2024 г. ОЭСР и ГПНИ объединили свои усилия под брендом ГПНИ на основе Рекомендации по ИИ ОЭСР.

По состоянию на середину июня 2025 г. участниками ГПНИ являлись 44 страны<sup>19</sup>. Его основные рабочие органы — Совет ГПНИ на уровне министров, который два раза в год проводит пленарные заседания, и руководящая группа, готовящая предложения к пленарным заседаниям и осуществляющая координацию работы между ними. Ядро экспертного сообщества представлено центрами экспертной поддержки в Канаде, Франции и Японии, деятельность которых финансируется принимающими их странами. На них возложена задача по разработке и предложению практических проектов для рассмотрения пленарным заседанием, управлению лабораториями, инкубаторами, а также организации и проведению семинаров в поддержку конкретных проектов сотрудничества.

Своеобразным дискуссионным клубом высокого уровня является Хиросимский процесс по ИИ (ХП), старт которому был дан в мае 2023 г., когда страны Группы семи договорились сделать сотрудничество в области ИИ одним из своих приоритетов. На саммите в октябре 2023 г. в Хиросиме участники одобрили международные руководящие принципы для разработчиков ИИ<sup>20</sup>, которые легли в основу разработанного кодекса их поведения<sup>21</sup>.

Этими документами на разработчиков ИИ возложена обязанность выявлять риски и принимать меры для их снижения на протяжении всего жизненного цикла ИИ. Они также должны выявлять случаи ненадлежащего использования ИИ, публично о них сообщать и создать механизмы аутентификации контента, созданного с помощью ИИ. Кроме того, им поручено оказывать содействие в разработке международных технических стандартов и обеспечить

защиту персональных данных и интеллектуальной собственности.

Появление ХП обусловлено общим признанием правительствами и компаниями необходимости установления основополагающих принципов регулирования для предотвращения путаницы, возникающей из-за наличия разрозненных национальных правил [20]. О его международной поддержке свидетельствует тот факт, что по состоянию на 19 июня 2025 г. в состав «группы друзей» ХП входят 55 стран, ЕС и 19 компаний, в том числе Amazon, Google, Microsoft, Oracle, OpenAI, а также ОЭСР, Всемирный банк, Программа развития ООН и Международный экономический форум<sup>22</sup>.

По мнению экспертов, ХП соответствует целям политики стран Группы семи, но ему не хватает материальной конкретики, в том числе единого понимания ключевых терминов и определений, четких правил по оценке и снижению рисков, связанных с передовыми системами ИИ на протяжении всего жизненного цикла. Кроме того, в рамках ХП следовало бы принять меры к сближению подходов участников по вопросам взаимодействия, разработать стандарты прозрачности и содействовать гармонизации механизмов сертификации, методологий надзора, механизмов аудита и других практик регулирования жизненного цикла. В его рамках также необходимо согласовать меры, нацеленные на поддержание демократических ценностей и защиту прав человека в контексте разработки и развертывания ИИ [21, с. 20–21].

Упомянутые форматы можно рассматривать как создаваемые западными странами структуры, посредством участия в которых другим государствам навязываются стандарты и правила. Это ведет к политизации процесса регулирования ИИ в ущерб развитию справедливого и открытого для всех стран международного сотрудничества [1, с. 239].

Важным нормативным документом считается Рамочная конвенция Совета Европы об искусственном интеллекте и правах человека, демократии и верховенстве права от 05.09.2024 г.,<sup>23</sup> нацеленная на обеспечение того, чтобы деятельность в рамках жизненного цикла систем ИИ полностью соответст-

<sup>19</sup> About the Global Partnership on Artificial Intelligence (GPAI). URL: <https://oecd.ai/en/about/what-we-do>.

<sup>20</sup> Hiroshima Process International Guiding Principles for Organizations Developing Advanced AI Systems. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100573471.pdf>.

<sup>21</sup> Hiroshima Process International Code of Conduct for Organizations Developing Advanced AI Systems. <https://www.mofa.go.jp/files/100573473.pdf>.

<sup>22</sup> Member countries of the Hiroshima AI Process Friends Group. URL: <https://www.soumu.go.jp/hiroshimaai/ai-process/en/supporters.html>.

<sup>23</sup> Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law. URL: <https://rm.coe.int/1680afae3c>.

вовала правам человека, демократии и верховенству права. В работе над ней приняли участие 46 членов СЕ, все государства-наблюдатели<sup>24</sup>, Европейский союз, 6 стран-нечленов<sup>25</sup>, а также представители гражданского общества, академических кругов, промышленности и международных организаций.

Ст. 5 Конвенции на каждую сторону возлагается задача принимать меры, направленные на обеспечение того, чтобы системы ИИ не использовались для подрыва независимости и эффективности демократических институтов и процессов, а также на защиту своих демократических процессов, включая доступ и участие отдельных лиц в публичных дебатах и свободу формирования мнения.

В соответствии со ст. 11 Конвенции каждая сторона должна на протяжении жизненного цикла систем ИИ принимать меры для обеспечения неприкосновенности частной жизни граждан и защиты их персональных данных, а со ст. 16 — выявлять, проводить оценку, предотвращать и снижать риски, создаваемые системами ИИ. Ст. 26.1 предписывает участникам создать или назначить один или несколько эффективных механизмов для надзора за соблюдением обязательств по конвенции.

В то же время ст. 32 предоставляет любой стороне право посредством заявления, направленного генеральному секретарю СЕ, распространить применение Конвенции на любую другую территорию, что можно рассматривать как легализацию вмешательства во внутренние дела других государств без разрешения их компетентных властей.

Конвенцию можно оценить как важную веху в усилиях по внедрению общих стандартов управления ИИ. Ее сильные стороны заключаются в глобальном охвате, обосновании соблюдения основополагающих демократических ценностей и всеобъемлющем подходе к жизненному циклу. К числу недостатков Конвенции эксперты относят отсутствие надежных механизмов обеспечения ее соблюдения и риск различного толкования ее отдельных положений, результатом которого может стать подрыв гармонизированных международных стандартов и фрагментация регулирования. Кроме того, для выполнения Конвенции необходимо установление тесного международного сотрудничества, что, учитывая современную международную ситуацию, может оказаться непростой задачей [22, с. 97; 23].

<sup>24</sup> Канада, Мексика, Святой Престол, США, Япония.

<sup>25</sup> Австралия, Аргентина, Израиль, Коста-Рика, Перу, Уругвай.

В рамках Всемирной торговой организации (ВТО) не существует отдельных соглашений, регулирующих торговлю технологиями ИИ, товарами и услугами с элементами ИИ или произведенных на его основе. При этом в самой организации и в научном сообществе ведутся многочисленные дискуссии о том, какие нормы и меры существующих соглашений могут и должны применяться в конкретных случаях трансграничного перемещения таких продуктов. Первый вопрос, который обсуждают в этой связи, заключается в том, можно ли отнести международную торговлю с использованием ИИ к категории товаров или услуг [23; 24, с. 16].

К первым применяется Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ), ко вторым — Генеральное соглашение по торговле услугами (ГАТС). Кроме того, к регулированию ряда проблем, связанных с цифровыми технологиями, в том числе ИИ, применяются нормы Соглашения по техническим барьерам в торговле (СТБТ)<sup>26</sup> и других действующих соглашений ВТО.

К пакету соглашений ВТО, затрагивающих регулирование ИИ, необходимо также отнести Соглашение о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), Соглашение по инвестиционным мерам, связанным с торговлей (ТРИМС), Соглашение по субсидиям и компенсационным мерам (ССКМ), Соглашение о государственных закупках (СГЗ).

В контексте регулирования ИИ в рамках международной торговой системы важную роль играют региональные торговые соглашения (РТС) и соглашения о партнерстве в цифровой экономике, содержащие положения о потоках и локализации данных, конкуренции на цифровых рынках, таможенных пошлинах на электронные передачи и другие. К концу 2022 г. 33% всех существующих РТС включали положения, связанные с цифровой торговлей [24, с. 13].

В ВТО до 2024 г. не было торговых споров по ИИ, но рассматривались споры, связанные с различными аспектами цифровой экономики<sup>27</sup>. Можно предпо-

<sup>26</sup> Trading with intelligence. How AI shapes and is shaped by international trade. Geneva: World Trade Organization, 2024. P. 8. URL: [https://www.wto.org/english/res\\_e/booksp\\_e/trading\\_with\\_intelligence\\_e.pdf](https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/trading_with_intelligence_e.pdf).

<sup>27</sup> Trading with intelligence. How AI shapes and is shaped by international trade. Geneva: World Trade Organization, 2024. P. 9. URL: [https://www.wto.org/english/res\\_e/booksp\\_e/trading\\_with\\_intelligence\\_e.pdf](https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/trading_with_intelligence_e.pdf).

ложить, что множественный характер растущих проблем, связанных с активным развитием ИИ, заставит структурировать подходы к регулированию с целью минимизации таких споров в будущем.

В интеграционных группировках работа по регулированию ИИ находится на разных стадиях. Наиболее активно она ведется в Европейском союзе. В 2024 г. в ЕС был принят Закон об ИИ<sup>28</sup>, фактически единственный принятый в многостороннем формате нормативный акт, являющийся обязательной для исполнения первой в мире нормативной базой, призванной поставить под контроль разработку технологий ИИ для устранения возникающих при этом рисков и обеспечить защиту безопасности, здоровья и основных прав людей.

В этом документе определены четыре уровня рисков от внедрения ИИ — неприемлемый, высокий, ограниченный и минимальный, на основе которых выработаны правила и возможности применения этого вида технологий — от запрета до добровольного соблюдения кодекса поведения [25, с. 6]. Для контроля за выполнением закона создана специальная структура — Управление ИИ.

Фактически в ЕС институционально завершено создание многоуровневой системы регулирования ИИ. Ее особенностью является требование применения самых строгих мер контроля к системам ИИ с высоким уровнем риска с одновременной свободой действий с системами с более низким уровнем риска.

Из других многосторонних форматов, в которых обсуждаются вопросы регулирования ИИ, следует упомянуть Агентство развития Африканского союза, опубликовавшее в 2023 г. Белую книгу, в которой предлагаются варианты политики в целях содействия внедрению ИИ и устранения рисков, связанных с его использованием<sup>29</sup>.

Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) выпустила руководство по управлению

и этике ИИ, предназначенное для организаций, разрабатывающих и внедряющих технологии ИИ в коммерческих невоенных целях, для повышения согласованности их действий. В нем также содержатся рекомендации по инициативам на национальном и региональном уровнях для обеспечения ответственного проектирования и внедрения систем ИИ<sup>30</sup>.

Наконец, в 2023 г. в рамках БРИКС была достигнута договоренность о создании группы по изучению ИИ, а в 2024 г. создано Агентство ИИ БРИКС, выступающее в качестве площадки для поддержания контактов между участниками и разработки нормативной базы использования ИИ<sup>31</sup>.

## ВЫВОДЫ

Искусственный интеллект является одним из ключевых элементов НТП на современном этапе. Его внедрение смещает инновации в сторону наукоемких секторов, позволяет улучшать бизнес-процессы, разрабатывать и производить продукцию с меньшими затратами, повышать производительность труда и эффективность хозяйственной жизни, оказывая мощное воздействие на трансформацию всех отраслей экономики. В силу своих технологических особенностей ИИ стал одним из важнейших факторов НТП, оказывающим влияние на мировые общественные процессы — как политические, так и экономические.

В этих новых условиях в разных форматах идет активная выработка правил регулирования экономической и других сфер общественной жизни, связанных с использованием ИИ. На международном уровне регуляторная активность в последние годы усилилась и привела к выработке принципов возможного «глобального регулирования» ИИ. Однако рассмотренные выше документы международных организаций и многосторонних структур носят преимущественно декларативный, рекомендательный характер. Исключением является закон Европейского союза об ИИ — фактически единственный принятый в многостороннем формате нормативный акт, являющийся обязательным для исполнения входящими в ЕС странами.

С самого начала своего распространения одновременно как общественного блага и средства

<sup>28</sup> Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act). URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L\\_202401689](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L_202401689)

<sup>29</sup> AUDA-NEPAD White Paper: Regulation and Responsible Adoption of AI in Africa Towards Achievement of AU Agenda 2063. African Union Development Agency; 2023. 234 p. URL: <https://onedrive.live.com/?authkey=%21AKJcwcXeRGANKQ&cid=14DDAD979C3656DF&id=14DDAD979C3656DF%2145406&parId=14DDAD979C3656DF%2145404&o=OneUp>

<sup>30</sup> ASEAN Guide on AI Governance and Ethics. ASEAN; 2024. 86 p. URL: [https://asean.org/wp-content/uploads/2024/02/ASEAN-Guide-on-AI-Governance-and-Ethics-beautified\\_201223\\_v2.pdf](https://asean.org/wp-content/uploads/2024/02/ASEAN-Guide-on-AI-Governance-and-Ethics-beautified_201223_v2.pdf)

<sup>31</sup> About Us. URL: <https://bricsai.org/about-us/>

достижения конкурентных преимуществ, искусственный интеллект не должен был оставаться вне регуляторного поля, однако сегодня налицо — все более заметное и опасное отставание «правил игры» от появления все новых и новых возможностей ИИ, несущих как прогресс, так и не до конца выявленные этические, правовые, политические, экономические и другие риски.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Информационно-коммуникационные технологии для глобального мира. Мельникова О.А., ред. М.: Издательство «Аспект Пресс»; 2024. 542 с.  
Information and Communication Technologies for Global World. Melnikova, O.A., ed. Moscow: Aspekt Press Publ.; 2024. 542 p. (In Russ.).
2. Taeiagh A. Governance of Generative AI. *Policy and Society*. 2025;00(00):1–22. DOI: 10.1093/polsoc/puaf001
3. Chesterman S. Good Models Borrow, Great Models Steal: Intellectual Property Rights and Generative AI. *Policy and Society*. 2025;44(1):23–37. DOI: 10.1093/polsoc/puae006
4. Marr B. The 15 Biggest risks of artificial intelligence. June 2, 2023. URL: <https://www.forbes.com/sites/bernardmarr/2023/06/02/the-15-biggest-risks-of-artificial-intelligence/>.
5. Haan K., Holzniekemper L. 22 Top AI statistics and trends. October 16, 2024. URL: <https://www.forbes.com/advisor/business/ai-statistics/>
6. Filippucci F., Gal P., Jona-Lasinio C., Leandro A., Nicoletti G. The impact of artificial intelligence on productivity, distribution and growth: Key mechanisms, initial evidence and policy challenges. *OECD Artificial Intelligence Papers*. 2024;15:1–63. URL: [https://www.oecd.org/en/publications/the-impact-of-artificial-intelligence-on-productivity-distribution-and-growth\\_8d900037-en.html](https://www.oecd.org/en/publications/the-impact-of-artificial-intelligence-on-productivity-distribution-and-growth_8d900037-en.html).
7. Neznamov A. V. Impact of the concept of “Technoscience” on the genesis features of the legal regulation of artificial intelligence and robotics technology. *State and Law*. 2022;3:108–116. DOI: 10.31857/S 102694520019169–6
8. Современная система международных экономических отношений: между глобализацией и фрагментацией. Исаченко Т.М., Платонова И.Н., Ревенко Л.С., ред. М.: КНОРУС; 2025. 218 с.  
Current system of international economic relations: Between globalization and fragmentation. Isachenko T.M., Platonova I.N., Revenko, L.S., eds. Moscow: KNORUS Publ.; 2025. 218 p. (In Russ.).
9. Gutierrez C. I., Marchant G. A Global perspective of soft law programs for the governance of artificial intelligence. Phoenix: Sandra Day O'Connor College of Law, Arizona State University, AZ; 2021. 62 p.
10. Buiten M. C. Towards intelligent regulation of artificial intelligence. *European Journal of Risk Regulation*. 2019;10(1):41–59. DOI: 10.1017/err.2019.8
11. Kaplan A., Haenlein M. Siri, Siri, in my hand: Who's the fairest in the land? On the interpretations, illustrations, and implications of artificial intelligence. *Business Horizons*. 2019;62(1):15–25. DOI: 10.1016/j.bushor.2018.08.004
12. Papagiannidis E., Mikalef P., Conboy K. Responsible Artificial intelligence governance: A review and research framework. *Journal of Strategic Information Systems*. 2025;34:101885. DOI: 10.1016/j.jsis.2024.101885
13. Domin H. AI Governance trends: How regulation, collaboration and skills demand are shaping the industry. September 5, 2024. URL: <https://www.weforum.org/stories/2024/09/ai-governance-trends-to-watch/>.
14. Linkov I., Trump B. D., Poinsatte-Jones K., Florin M–V. Governance Strategies for a sustainable digital world. *Sustainability*. 2018;10:440. DOI: 10.3390/su10020440
15. Marchant G. “Soft Law” governance of artificial intelligence. UCLA: The Program on Understanding Law, Science, and Evidence (PULSE). 2019:1–19. URL: <https://escholarship.org/uc/item/0jq252ks>
16. Carlisle K., Gruby R. K. Polycentric systems of governance: A theoretical model for the commons. *Policy Studies Journal*. 2019;47(4):927–952. DOI: 10.1111/psj.12212
17. Ulnicane I. Governance fix? Power and politics in controversies about governing generative AI. *Policy and Society*. 2025;44(1):70–84. DOI: 10.1093/polsoc/puae022
18. Morandín-Ahuerma F. Principios normativos para una ética de la inteligencia artificial. Puebla, México: Consejo de Ciencia y Tecnología de Puebla (CONCYTEP); 2023. 212 p.



19. Yeung K. Introductory note to recommendation of the council on artificial intelligence (OECD). *American Journal in International Law*. 2020;59(1):27–34. DOI: 10.1017/ilm.2020.5
20. Takemi A. Global AI Governance and Japan's science diplomacy: The G7 Hiroshima AI Process and its global implications. September 01, 2024. URL: <https://ssrn.com/abstract=5121469>. DOI: 10.2139/ssrn.5121469
21. Habuka H., Socol de la Osa D.U. Enhancements and next steps for the G7 Hiroshima AI Process: Toward a common framework to advance human rights, democracy and rule of law. *Cambridge Forum for AI: Law and Governance*. 2025;1(e15):1–26. DOI: 10.1017/cfl.2024.5
22. Chang C–C.K. The first global AI treaty: Analyzing the framework convention on artificial intelligence and the EU AI Act. *University of Illinois Law Review*. 2024;86:86–99. DOI: 10.2139/ssrn.5069335
23. Sekine T. EU's AI regulation and international economic law: The Complex impact of the EU AI Act on global economic governance. *SSRN Electronic Journal*. 2024; October:1–42. DOI: 10.2139/ssrn.4997043
24. López-González J., Sorescu S., Kaynak P. Of Bytes and Trade: Quantifying the Impact of digitalisation on trade. OECD Trade Policy Paper № . TAD/TC/WP(2022)11/FINAL. Paris: OECD; 2023. 57 p. URL: [https://one.oecd.org/document/TAD/TC/WP\(2022\)11/FINAL/en/pdf](https://one.oecd.org/document/TAD/TC/WP(2022)11/FINAL/en/pdf)
25. Krause D. The EU AI Act and the future of AI governance: Implications for U.S. firms and policymakers. *SSRN Electronic Journal*. 2025; March:1–29. DOI: 10.2139/ssrn.5181797

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

**Лилия Сергеевна Ревенко** — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры международных экономических отношений и внешнеэкономических связей им. Н.Н. Ливенцева, МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

**Lilia S. Revenko** — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Prof. of Liventsev Department of International Economic Relations and Foreign Economic Affairs, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-1519-1183>

[l.revenko@inno.mgimo.ru](mailto:l.revenko@inno.mgimo.ru)

**Николай Сергеевич Ревенко** — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

**Nikolay S. Revenko** — Cand. Sci. (Polit.), Leading Researcher, Institute for Research of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation  
<https://orcid.org/0000-0002-0359-5201>

Автор для корреспонденции / Corresponding the author:

[reni100@yandex.ru](mailto:reni100@yandex.ru)

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.05.2025; принята к публикации 28.08.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 15.05.2025; accepted for publication 28.08.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.